

Культура. - 1993. - 16 окт. - С. 7

ЕДИНСТВЕННАЯ

Что характерно, не было никаких речей. Она их не захотела. Она танцевать будет — так что еще? О чем тут говорить? Свой творческий вечер в Большом театре Майя Плисецкая целиком отдала творчеству.

Вот тот случай, когда масштаб личности, выходящей на великую сцену, соизмерим с величием этой сцены, с величественным, знаменитым зданием

театра, золотыми его стенами, обрамившими хранящими славу непревзойденных. Вот тот вечер в театре, на котором публика понимает, что присутствует при чем-то значительном и высоком, который на ее глазах становится историей и каждой минутой дарит праздник. На таких-то вечерах благодарные зрители исыпают сцену цветами, не довольствуясь чинно выносимыми на нее буке-

тами. Как написала Белла Ахмадулина (ее слова были приведены в программе), цветы сверху — дару свыше.

(Окончание на 7-й стр.).

● Хозяйка вечера Майя Плисецкая и ее гость Мстислав Ростропович. Она танцевала «Лебедя», он ей аккомпанировал...

Фото Михаила Логинова.

Культура. - 1993. - 16 окт. - С. 7.
Единственная

(Окончание.
Начало на 1-й стр.).

Когда друг за другом выплыли четыре балерины, зрители попались в приготовленную для них «ловушку» — даже программа не помогла — стали искать среди исполнительниц «Умирающего лебедя» Плисецкую. Пока не спохватились: это же нелепость — искать Плисецкую среди других. Раз надо искать, значит, искать не надо — ее нет. И вот она появилась — прошла знаменитая волна рук. Разве это можно с чем-нибудь спутать?

Раньше было так — плавная ли река, мощный ли поток движений, но в любой момент останови, сделай «стоп-кадр» — и будто из мрамора изваяна. Теперь, когда поток стал тих, эти позы — такие же «точены», все с теми же совершенными линиями — будто проступают сквозь него, будто он омывает их. Когда она замирала, танцева Айседору, — словно в античную статую превращалась...

В «Айседоре» Плисецкая читает первую строфу известного стихотворения Есенина:

Несказанное, синее,
нежное...
Тих мой край после бурь,
после гроз,
И душа моя — поле
безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Обычно звучала фонограмма, но на сей раз она прочла со сцены. В несчастном нашем крае, каких времен ни упомяну бури, все выходит ко времени. Плисецкая отклинулась, отзывалась... Может быть, пообещала тишину?

Слова Айседоры в «исполнении» Майи уже звучали, как всегда, в записи. «Танец — это жизнь. Мне непонятен мир, который не танцует». Танец —

это ее жизнь, жизнь в буквальном смысле, что не очень-то доступно разумению простых смертных. В этот вечер она, наверное, «переупрямила» всех. В этот вечер казалось, что нельзя будет понять мир, в котором перестанет танцевать Плисецкая.

Две Кармен (и два Хозе) вышли на сцену в сценах из любимого ее балета. «Вынужденный» этот прием стал потрясающей находкой. Кармен — молодая испанская балерина начинает танцевать. Кармен — Плисецкая смотрит на нее, сидя на стуле в знаменитой позе, — одна нога отведена далеко назад, другая поставлена на пальцы, рука согнутая в локте, подпирает голову. Сколько планов возникает сразу — содружество (и соперничество) двух балерин, поединок героини с возможной соперницей, соперничество Кармен с самой собой.. Но исход поединка с «другой» предрешен. Возможно ли сопернице «выдержать» ее взгляд? Возможно ли зрителю перевести свой взгляд с нее, даже сидящей, на ту другую, что танцует? «Кармен-сюита» — замечательный балет, но это не тот балет, когда Кармен танцует другая. И подумать только — какое нужно мужество, чтобы вот так выйти на сцену и, подперев голову рукой, посмотреть в глаза своему прошлому и бросить ему вызов...

Немало наслышанные о балете «Безумная из Шайи», премьера которого состоялась в конце прошлого года во Франции, мы наконец его и увидели. Загадочной, величественной и очень красивой предстает в нем Плисецкая. Есть здесь у нее несколько сцен из разряда «ударных» — тех, что сразу же врезаются в память, а потом «цитируются» в фильмах и телепередачах. Например, полулежа на

столе, она «играет» кистью оперты на локоть руки, — притягивает, завораживает. И потрясающий придуман для нее проход. Прямой, негибющийся корпус, прямо перед собой устремленный взгляд — необыкновенно значительна, чрезвычайно сосредоточена — и пугающая своей «изведенностью», прыгающая походка: на пальцы — на пятку, снова на пальцы и снова на пятку, привстала — опустилась, привстала — опустилась. И опять заворожила, взяла в плен, подчинила весь зал этому размеренному ритму.

«Достаточно одной здравомыслящей женщины, чтобы безумие мира сломало о нее свои зубы», — написал о своей героине «Безумной из Шайи», Жан Жироду. Фраза тоже из программы — звучит многозначительно. Мы же знаем: безумен мир, который не танцует. Но пока танцует она, мы можем не беспокоиться.

Н. ШАДРИНА.

14 октября Майя Михайловна Плисецкая стала почетным профессором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Ей были вручены диплом и памятная медаль.

Искусство этой балерины имеет огромное воспитательное воздействие на молодежь, и к тому же она — великий педагог, а Московский университет является не только центром науки и образования, но и культуры, — так объясняет руководство МГУ решение «проповеди» Плисецкую в профессора.

По завершении почетной церемонии Майя Михайловна встретилась со студентами и прочитала им главы из книги, над которой сейчас работает.